

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ «ГОЛЛАНДСКОЙ БОЛЕЗНИ» В ЭКОНОМИКАХ НОРВЕГИИ И РОССИИ

Вячеслав Перепёлкин, Елена Перепёлкина

В статье сделан анализ представлений о соотношении понятий «голландская болезнь» и «ресурсное проклятие» на основе актуальных публикаций зарубежных ученых. Осуществлено сопоставление динамики роста норвежской, российской и мировой экономик, ее связи с уровнем цен на нефть. Даны количественная оценка вклада добычи нефти и газа в производство и экспорт Норвегии и России. Результаты корреляционно-регрессионного анализа свидетельствуют о диверсификации норвежской экономики на основе уменьшения ее зависимости от добычи и экспорта нефти и газа, которая по-прежнему является драйвером роста российской экономики. «Голландской болезнью» поражены экономики обеих стран, но в российской экономике есть признаки «ресурсного проклятия».

Ключевые слова: «голландская болезнь»; добыча нефти и газа; доходы от экспортов нефти; институты; «ресурсное проклятие»; структура экономики; экономический рост.

«Features of the "Dutch Disease" Manifestation in the Economies of Norway and Russia» (Viacheslav Perepelkin, Elena Perepelkina)

The paper analyses the notions of the correlation between the concepts «Dutch disease» and «resource curse» based on relevant publications of foreign scholars. The authors compare the growth dynamics of Norwegian, Russian and world economies, as well as assess its connection with the oil prices level. The paper gives a quantitative evaluation of contribution of the oil and gas extraction into the Norwegian and Russian production and export. Results of the correlation-regression analysis show the diversification of Norwegian economy on the basis of reduction of its dependence on oil and gas extraction and export, which remains a driver of the Russian economic growth. The «Dutch disease» struck economies of both countries, although the Russian one also exhibits signs of the «resource curse».

Keywords: Dutch disease; economic growth; economic structure; incomes from oil exports; institutes; oil and gas extraction; resource curse.

Authors:

Perepelkin Viacheslav — Doctor of Economy, Professor of the Department of World Economy of the Institute of Theoretical Economy and International Economic Relations, Samara State University of Economics, e-mail: slavaap@rambler.ru

Samara State University of Economics. Adress: 141, Sovetskoi Armii str., Samara, 443090, RUSSIA

Perepelkina Elena — master-student, Christian-Albrechts-University of Kiel, e-mail: elena.perepelkina21@gmail.com
Christian-Albrechts-University of Kiel. Address: 4, Christian-Albrechts-Platz, Kiel, 24118, GERMANY

Ограниченнность располагаемых ресурсов определяет прямую взаимную связь между ростом факторов производства в одних частях экономики и депрессией или даже спадом в других ее частях, вплоть до случаев, когда положительные результаты от достигаемого расширения производства и увеличения экспорта в одном секторе или отрасли оказываются меньше отрицательных последствий для экономики в целом. Специализация на экспорте

непереработанных природных ресурсов обычно замедляет экономический рост, затрудняет появление более динамичных паттернов торговой специализации [16]. Механизм превращения ресурсного изобилия в «ресурсное проклятие» многими учеными определяется как преимущественно институциональный [15; 20]. Объяснение формирования зависимости от экспорта сырьядается ими, главным образом, исходя из несовершенства действую-

Авторы:

Перепёлкин Вячеслав Александрович — доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики Института теоретической экономики и международных экономических отношений Самарского государственного экономического университета, e-mail: slavaap@rambler.ru

Самарский государственный экономический университет. Адрес: 141, ул. Советской Армии, Самара, 443090, РОССИЯ

Перепёлкина Елена Вячеславовна — магистрант Кристиан-Альбрехтс Университета (Германия), e-mail: elena.perepelkina21@gmail.com

Christian-Albrechts-University of Kiel. Address: 4, Christian-Albrechts-Platz, Kiel, 24118, GERMANY

Рецензенты:

Данильченко Алексей Васильевич — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Гродский Владимир Сергеевич — доктор экономических наук, профессор кафедры управления человеческими ресурсами института экономики и управления Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королёва

Международные экономические отношения

ших в стране политических и социальных институтов. Внимание фокусируется прежде всего на институтах, способных к быстрым изменениям (распространенность коррупции, уровень демократии, порядок распределения природной ренты), а не возникающих в результате многолетнего развития (правовая система и процессуальная составляющая ее исполнения, традиции делового оборота) [5; 25]. Сужение круга причин существования «ресурсного проклятия» до институциональной слабости приводит к выводу об отсутствии сырьевой зависимости в зрелых обществах, достигших высокого уровня социально-экономического развития, и ее наличии исключительно в странах с плохим качеством институтов. Однако эмпирические исследования экономического роста в развитых странах, обладающих значительным сырьевым сектором, не в полной мере подтверждают универсальность этого положения [11].

Представляя собой как институциональное, так и экономическое явление, выражющееся в сохранении отсталой структуры экономики, тормозящей ее рост, «ресурсное проклятие», по сравнению с «голландской болезнью», обладает более широким содержанием [28]. Наряду со структурным дисбалансом в виде деиндустриализации оно также проявляется в замедлении экономического роста и его повышенной неустойчивости, определяемой зависимостью от конъюнктуры цен на международных сырьевых рынках (колебаниями от ситуации «парадокса изобилия» до резкого спада экономической активности), слабости институциональной среды (в частности, правительственный коррупции в сфере природопользования), чрезмерном внимании государства к добыче полезных ископаемых в ущерб другим видам экономической деятельности, сокращении государством своих социальных обязательств [6; 18].

Институциональная среда во многом формирует общие условия прохождения экономического роста, практическая реализация которого происходит под определяющим влиянием экономических факторов, в том числе внешнеторговой деятельности страны. Причины негативного воздействия сырьевой направленности экспорта на долгосрочную динамику роста экономики усматриваются в глобальном характере ресурсных рынков и сильной волатильности цен на них, недостаточности человеческого капитала [21], «голландской болезни» [12]. При этом часто исходят из того, что «ресурсное проклятие» поражает экономики стран, богатых именно минеральными ресурсами [22].

В качестве основной экономической версии возникновения «ресурсного проклятия» выступает «голландская болезнь», трактуемая как подавление доходами экспортноориентированного сырьевого сектора конкурентоспо-

собности других товаропроизводящих секторов экономики вследствие повышения реальных обменных курсов национальной валюты [8]. Наоко Кодзо [13] отмечает необоснованность отождествления «голландской болезни» и «ресурсного проклятия», поскольку содержание последнего выходит далеко за границы чисто экономического явления. В данной связи следует упомянуть работы Эрика ван дер Мареля и Яны Дрейер [27], а также Джованни Кови [9], где авторы рассматривают разрушение правовой системы в качестве причины присутствия «голландской болезни» в экономике России.

При проведении структурных исследований наряду с величинами экспорта сырья нужно учитывать и его объемы производства (в том числе для внутреннего потребления), производственный и человеческий потенциал, необходимый для диверсификации национальной экономики. Переходу от добычи к переработке сырья часто препятствует недостаток обладающих требуемыми знаниями и умениями работников. В странах, специализирующихся на добыче полезных ископаемых, слабее ощущается потребность в результатах функционирования образования и науки, невостребованный человеческий капитал покидает их. Впрочем, представление о неразрывности связи между ловушкой «ресурсного проклятия» и истощением человеческого капитала разделяется не всеми учеными. Приводятся примеры позитивного влияния открытия крупных месторождений полезных ископаемых на уровень образования и детской смертности. В легко облагаемой налогами сырьевой ренте Жан-Филипп Стижис видит важный источник финансирования образования [24].

В XXI в. динамика роста мировой экономики успела претерпеть изменения, связанные с кризисом 2008–2009 гг. Первые восемь лет были отмечены достаточно быстрым ростом мирового валового продукта, тогда как в период 2008–2014 гг. рост замедлился почти в 1,5 раза (среднегодовые темпы составили соответственно 4,27 и 2,92 %, а в целом за 15 лет они равнялись 3,64 %). В Норвегии и России также наблюдалось торможение роста ВВП: его среднегодовые темпы по норвежской экономике составили 2,40 % в докризисный период, 1,22 % в последующий период, 1,85 % — за 2000–2014 гг.; в российской экономике за аналогичные периоды времени среднегодовые темпы были выше и достигали соответственно 7,18, 1,81 и 4,67 %. В результате норвежская экономика в 2000–2014 гг. по сравнению с мировой росла на 28 % медленнее, а российская — практически вдвое быстрее. При этом волатильность темпов роста российского ВВП оказалась в 2,9 раза больше, чем у норвежского, как и глубина падения величины ВВП в кризисном 2009 г. (-7,8 % по сравнению с предыдущим годом в Рос-

Таблица 1

Темпы роста валового продукта мировой экономики, ВВП, добычи нефти и газа в Норвегии и России, %

Год	Годовой темп роста ВВП и мирового валового продукта			Отклонение темпа роста ВВП от темпа роста мирового валового продукта		Темп роста объемов добычи нефти и газа, млн т нефтяного эквивалента		
	Норвегия	Россия	Мир	Норвегия	Россия	Норвегия	Россия	Мир
2000	3,25	10,05	4,71	-1,46	5,33	—	—	—
2001	1,99	5,09	2,48	-0,49	2,61	—	—	—
2002	1,50	4,74	3,03	-1,53	1,71	—	—	—
2003	0,98	7,30	4,07	-3,09	3,22	—	—	—
2004	3,96	7,18	4,92	-0,96	2,26	6,08	7,69	1,82
2005	2,59	6,38	4,54	-1,96	1,83	-2,53	1,80	1,70
2006	2,30	8,15	5,18	-2,89	2,97	-3,33	2,44	1,74
2007	2,65	8,54	5,20	-2,55	3,33	-4,26	0,82	0,84
2008	0,07	5,25	2,66	-2,59	2,59	2,50	0,54	2,04
2009	-1,63	-7,82	-0,68	-0,96	-7,14	-1,07	-5,75	-2,65
2010	0,48	4,50	5,01	-4,54	-0,51	-3,65	6,77	4,26
2011	1,22	4,29	3,84	-2,63	0,45	-5,33	2,24	1,96
2012	3,09	3,44	3,14	-0,05	0,30	3,08	-0,56	2,40
2013	2,63	1,49	2,91	-0,27	-1,41	-4,98	1,52	0,53
2014	2,67	1,48	3,52	-0,85	-2,04	1,27	-1,88	1,99

Источник: собственная разработка на основании данных [7; 17; 19].

ции против -1,6 % в Норвегии), что характеризует рост российской экономики как менее устойчивый. Данные по годам представлены в табл. 1.

В 2004–2014 гг. объемы добычи нефти (в млн т) и природного газа (в млрд куб. м) в мире последовательно увеличивались, темпы роста были положительными (за исключением 2009 г.). В то же время в норвежской экономике наблюдалась тенденция уменьшения объемов добычи нефти (сократились с 150,3 млн т в 2004 г. до 85,6 млн т в 2014 г.), а в России – фактически стагнация объемов добычи природного газа (573,3 млрд куб. м в 2004 г. и 578,7 млрд куб. м в 2014 г.) [7]. Среднегодовой темп прироста объемов добычи нефти и природного газа (в млн т нефтяного эквивалента) в 2004–2014 гг. по мировой экономике имел положительное значение (+1,51), в отличие от Норвегии (-1,11), и по величине был больше, чем у России (+1,42), что сигнализирует о существовании серьезных проблем в развитии нефтегазового комплекса в обеих странах.

Полученная оценка линейной зависимости темпов роста ВВП от темпов роста объемов добычи нефти и природного газа (в млн т нефтяного эквивалента) показала отсутствие данной связи в норвежской экономике. Уравнение для российской экономики статистически значимо и отражает увеличение темпов прироста ВВП в среднем на 0,86 % при повышении темпов добычи нефти и газа на 1 %:

$$y_{T\_GDP\_R} = 2,68 + 0,86x_{T\_OGE\_R}$$

где $y_{T\_GDP\_R}$ – темп роста ВВП России, %; $x_{T\_OGE\_R}$ – темп роста объемов добычи нефти и газа в России, %.

Полученные на основе приведенных в табл. 2 динамических рядов значения коэффициентов корреляции свидетельствуют о большей зависимости роста экономик Норвегии и России от демонстрирующей резкие взлеты и падения цены барреля нефти марки «Brent» ($r_{Norway-price} = +0,93$; $r_{Russia-price} = +0,96$), чем от физических объемов добычи нефти и природного газа ($r_{Norway-volume} = -0,84$; $r_{Russia-volume} = +0,90$). Данное обстоятельство в сочетании со слабой предсказуемостью изменения цены нефти на мировом рынке, существенно повышая риск средне- и долгосрочных инвестиций в расширение добычи углеводородов, объясняет неустойчивость динамики экономического роста стран, получающих значительные доходы от экспорта нефти.

Регрессия ВВП от физических объемов нефте- и газодобычи для норвежской экономики имеет следующий вид:

$$y_{GDP\_N} = 448\ 239,22 - 890,58x_{OGE\_N}$$

где y_{GDP_N} – величина ВВП Норвегии, млн дол. США; x_{OGE_N} – объем добычи нефти и газа в Норвегии, млн т нефтяного эквивалента.

Отрицательное значение коэффициента при факторе (-890,58) в уравнении регрессии (наряду с выявленной ранее отрицательной корреляцией ВВП и физических объемов добычи нефти и газа в Норвегии) указывает на процесс замещения добычи данных углеводородов продуктами других видов экономической деятельности, сила положительного влияния которого на темпы роста ВВП более чем компенсирует потери в нефтегазовом секторе. Присутствие описываемой приведенным уравнением линейной обратной зависимости в ре-

Таблица 2

**Динамика ВВП, добычи нефти и газа в Норвегии и России,
цены нефти марки «Brent»**

Год	ВВП в ценах 2013 г., млн дол. США		Добыча нефти и газа, млн т нефтяного эквивалента			Цена барреля нефти, дол. США
	Норвегия	Россия	Норвегия	Россия	Мир	
2000	233 041,6	1 511 145	—	—	—	28,59
2001	237 679,2	1 588 080	—	—	—	24,44
2002	241 249,4	1 663 414	—	—	—	25,02
2003	243 615,7	1 784 775	208,9	909,4	6238,1	28,83
2004	253 265,4	1 912 849	221,6	979,3	6351,7	38,27
2005	259 822,3	2 034 816	216	996,9	6459,5	54,52
2006	265 795,1	2 200 723	208,8	1021,2	6572,2	65,14
2007	272 846,7	2 388 557	199,9	1029,6	6627,5	72,39
2008	273 031,0	2 513 907	204,9	1035,2	6762,6	97,26
2009	268 567,3	2 317 297	202,7	975,7	6583,3	61,67
2010	269 851,3	2 421 662	195,3	1041,8	6864,0	79,50
2011	273 137,7	2 525 575	184,9	1065,1	6998,4	111,26
2012	281 581,2	2 612 510	190,6	1059,1	7166,3	111,67
2013	288 991,1	2 651 521	181,1	1075,2	7204,2	108,66
2014	292 661,3	2 601 706	183,4	1055,0	7347,9	98,95

Источник: собственная разработка на основании данных [7; 17].

альной экономической жизни выражается в том, что на фоне уменьшения добычи нефти и газа в Норвегии происходит ускорение темпов роста экономики.

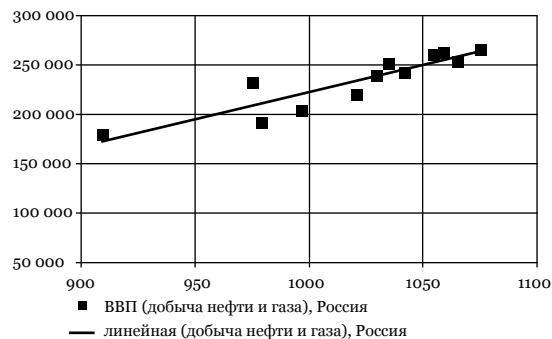
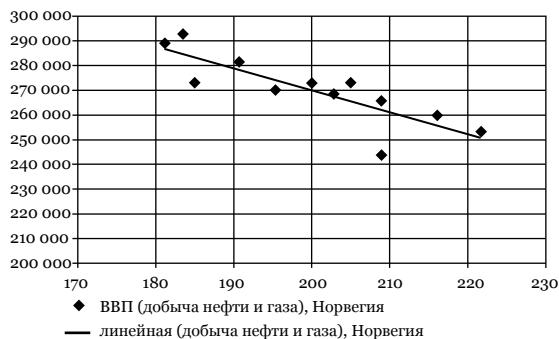
Иначе выглядит то же уравнение регрессии для российской экономики:

$$y_{GDP\_R} = -3 255 907,80 + 5475,30x_{OGE\_R}$$

Отрицательное значение свободного члена регрессии (-3 255 907,80) свидетельствует о такой зависимости от физической добычи нефти и газа, когда ее сокращение сопряжено с радикальным уменьшением ВВП. Положительное значение коэффициента при факторе (+5475,30) отражает существование прямой связи между динамикой ВВП и изменением физических объемов нефте- и газодобычи в России. Таким образом, в отличие от норвежской, рост российской экономики находится в прямой зависимости от объемов добычи рассматриваемых видов углеводородного сырья. Графическое изображение описанных зависимостей представлено на рисунке.

Линия тренда на графиках зависимости величины ВВП от измеренных в нефтяном эквиваленте объемов добычи нефти и газа в случае Норвегии показывает разнонаправленное движение данных показателей, а в случае России — одностороннее. Наблюдаемая обратная зависимость указывает на эффективно идущий в норвежской экономике процесс ее диверсификации на основе уменьшения масштабов эксплуатации полезных ископаемых, тогда как существование прямой зависимости в российской экономике свидетельствует о сохранении за добычей нефти и газа роли драйвера ее роста.

Преодоление «ресурсного проклятия» предполагает трансформацию структуры экономики и ее роста, приводящую к увеличению доли добавленной стоимости в создаваемом продукте. Первым шагом в данном направлении является уменьшение как доли экспорта не прошедших достаточно глубокой переработки нефти и газа в общем объеме экспорта,

Графики зависимости ВВП Норвегии и России от физических объемов добычи нефти и газа

Источник: собственная разработка на основании данных [1; 2; 7; 23; 26].

так и доли поставляемых на международные рынки сырой нефти и природного газа в объемах их добычи в стране.

Содержащиеся в табл. 3 динамические ряды показывают увеличение за 2002–2014 гг. стоимостных величин экспорта сырой нефти и природного газа Норвегией и Россией соответственно в 2,4 и 4,7 раза. Их доля в общей стоимости экспорта в обеих странах немногого уменьшилась, при том что у Норвегии она в итоге оказалась на 11,77 % больше, чем у России. Тогда же в Норвегии доля экспорта сырой нефти и природного газа (в млн т нефтяного эквивалента) в объеме их добычи в 2003 г. составляла 86,75 %, а в 2014 г. – 75,81 %, т. е. уменьшилась на 10,94 %. В России наблюдалось аналогичные изменения: доля сырой нефти (в млн т экспорта) в 2003 г. была равна 52,19 %, в 2014 г. – 41,83 %, т. е. сократилась на 10,36 % [4; 10]. Уменьшение доли экспортимых нефти и газа в общем экспорте и в объеме их добычи может свидетельствовать об общекономически позитивном изменении в пользу внутреннего потребления этих углеводородов в ущерб их экспорту в естественном виде.

В условиях подъема цен на углеводороды за период 2002–2014 гг. произошло небольшое увеличение доли добавленной стоимости добычи нефти и природного газа в валовой добавленной стоимости в Норвегии (+7,3 %) при десятикратно большем росте данного показателя в России (+74,2 %). Это несоответствие между странами можно объяснить, во-первых, измерением валовой добавленной стоимости в национальных валютах, обменные курсы которых по отношению к доллару США изменились по-разному (курс норвежской кроны рос,

а российского рубля снижался); во-вторых, сокращением физических объемов добычи нефти в Норвегии и их увеличением в России.

Неоднозначные результаты по странам получены при расчете уравнений регрессии доли экспорта нефти и газа в общем стоимостном объеме экспорта (Sh_{OGE}) по доле добавленной стоимости нефти и газа в валовой добавленной стоимости (Sh_{VA_OGE}). Для России зависимость не выявлена, а для Норвегии уравнение имеет следующий вид:

$$Sh_{OGE} = 44,40 + 0,53 Sh_{VA\_OGE}.$$

Поскольку коэффициент при $Sh_{VA\_OGE} = 0,53$, то однопроцентный прирост доли добавленной стоимости нефти и газа в валовой добавленной стоимости сопровождался почти вдвое меньшим приростом доли экспорта нефти и газа в общем стоимостном объеме экспорта. Как было отмечено, в физическом измерении экспорт сырой нефти и природного газа сокращался быстрее, чем их добыча, а значит, в возрастающей степени эти углеводороды служили сырьем для обрабатывающих производств Норвегии. Элиминировав воздействие увеличивающего стоимостные объемы производства нефти и газа ценового фактора, можно расценивать это как признак происходящего излечения норвежской экономики от «голландской болезни».

Таким образом, изучение динамических рядов показателей функционирования норвежской, российской и мировой экономик позволило обнаружить признаки присутствия «голландской болезни» в обеих странах, а также «ресурсного проклятия» – в России. О постепенном преодолении «голландской болезни» Норвегией свидетельствует уменьшение физических объемов добычи и экспорта сырой неф-

Таблица 3

Вклад добычи сырой нефти и природного газа в производство и экспорт Норвегии и России

Год	Экспорт нефти и газа, млрд дол. США		Общий объем экспорта, млрд дол. США		Доля экспорта нефти и газа в общем объеме экспорта, %		Доля добавленной стоимости добычи нефти и газа в валовой добавленной стоимости, %	
	Норвегия	Россия	Норвегия	Россия	Норвегия	Россия	Норвегия	Россия
2002	32,10	45,01	59,54	102,07	53,91	44,10	18,61	5,09
2003	36,37	59,67	67,94	129,06	53,53	46,23	18,78	5,24
2004	46,22	80,90	82,48	177,86	56,04	45,48	21,79	7,70
2005	60,99	115,11	103,76	240,024	58,78	47,96	25,87	9,37
2006	71,12	146,09	122,20	297,48	58,20	49,11	26,60	9,45
2007	75,79	166,34	136,35	346,53	55,58	48,00	24,00	8,56
2008	100,93	230,25	173,22	466,30	58,27	49,38	27,56	7,55
2009	64,29	142,56	114,68	297,16	56,06	47,98	19,65	7,09
2010	72,22	183,54	130,66	392,67	55,27	46,74	20,59	7,73
2011	91,76	246,10	160,41	515,41	57,21	47,75	23,83	8,61
2012	94,26	243,18	160,95	527,43	58,56	46,11	23,64	9,32
2013	89,07	240,90	155,35	523,28	57,33	46,04	21,81	8,95
2014	77,33	209,13	143,79	497,76	53,78	42,01	19,97	8,87

Источник: собственная разработка на основании данных [1–4; 10; 14; 23; 26].

ти и природного газа, успешно компенсируемое ростом добавленной стоимости в других видах экономической деятельности.

Зафиксированная регрессионной моделью прямая связь между ростом российской экономики и физическими объемами добычи углеводородного сырья при сохранении низких цен предполагает продолжение периода макроэкономической нестабильности. В отличие

от Норвегии более тесная связь добычи углеводородов с их экспортом, а не с внутренним потреблением сочетается с кратным превышением прироста доли добычи нефти и газа в российской валовой добавленной стоимости. В таких условиях роль драйвера роста российской экономики в среднесрочной перспективе может выполнять увеличение экспорта нефти и газа.

Список использованных источников

1. Валовая добавленная стоимость по отраслям и секторам в 2002 г. [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. — Режим доступа: <http://www.gks.ru/bgd/regl/bo4_13/IssWWW.exe/Stg/do20/i021470r.htm>. — Дата доступа: 28.03.2016.
2. Валовой внутренний продукт и валовая добавленная стоимость по видам экономической деятельности [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. — Режим доступа: <http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab11c.xls>. — Дата доступа: 29.02.2016.
3. Внешняя торговля Российской Федерации (согласно методологии баланса платежей) [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. — Режим доступа: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/ftrade/#>. — Дата доступа: 28.03.2016.
4. Экспорт сырой нефти Российской Федерацией за период 2000—2015 гг. [Электронный ресурс] // Центральный банк Российской Федерации. — Режим доступа: <http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/crude_oil.htm>. — Дата доступа: 02.04.2016.
5. Bhattacharyya, S. Natural resources, Democracy and Corruption / S. Bhattacharyya, R. Hodler // European Economic Review. — 2010. — Vol. 54, N 4. — P. 608—621.
6. Bjorvatn, K. Resource Curse and Power Balance: Evidence from Oil-Rich Countries / K. Bjorvatn, M. R. Farzanegan, F. Schneider // World Development. — 2012. — Vol. 40, N 7. — P. 1308—1316.
7. BP Statistical Review of World Energy. 2015 [Electronic resource] // British Petroleum p.l.c. — Mode of access: <<https://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/statistical-review-2015/bp-statistical-review-of-world-energy-2015-full-report.pdf>>. — Date of access: 15.03.2016.
8. Cherif, R. The Dutch Disease and the Technological Gap / R. Cherif // Journal of Development Economics. — 2013. — Vol. 101, N. 1. — P. 248—255.
9. Covi, G. Dutch Disease and Sustainability of the Russian Political Economy / G. Covi // Journal of Economics and Policy of Energy and the Environment. — 2014. — Vol. 2, N 2. — P. 75—110.
10. Exports of crude oil and natural gas in gaseous state [Electronic resource] // Statistics Norway. — Mode of access: <<http://ssb.no/226630/exports-of-crude-oil-and-natural-gas-in-gaseous-state>>. — Date of access: 12.04.2016.
11. Fagerberg, J. E. The evolution of Norway's national innovation system / J. E. Fagerberg, D. C. Mowery, B. Verspagen // Science and Public Policy. — 2009. — Vol. 36, N 6. — P. 431—444.
12. Is Russia Suffering from Dutch Disease? Cointegration with Structural Break / F. Dülger [et al.] // Resources Policy. — 2013. — Vol. 38, N 4. — P. 605—612.
13. Kojo, N. C. Demystifying Dutch disease: Policy Research Working Paper WPS 6981 / N. C. Kojo. — World Bank, 2014. — 22 p.
14. List of products exported by Norway [Electronic resource] // Trade map. — Mode of access: <http://www.trademap.org/tradestat/Product_SelCountry_TS.aspx>. — Date of access: 11.03.2016.
15. Luong, P. J. Rethinking the Resource Curse: Ownership Structure, Institutional Capacity, and Domestic Constraints / P. J. Luong, E. Weintal // Annual Review of Political Science. — 2006. — Vol. 9, N 1. — P. 241—263.
16. Murshed, S. M. The Pattern of Specialization and Economic Growth: The Resource Curse Hypothesis Revisited // S. M. Murshed, L. A. Serino // Structural Change and Economic Dynamics. — 2011. — Vol. 22, N 2. — P. 151—161.
17. Output, Labor, and Labor Productivity, 1950—2014 [Electronic resource] // The Conference Board. Total Economy Database, 2015. — Mode of access: <<https://www.conference-board.org/data/economydatabase/index.cfm?id=30565>>. — Date of access: 10.04.2016.
18. Paprykakis, E. Resource Abundance and Economic Growth in the United States / E. Paprykakis, R. Gerlagh // European Economic Review. — 2007. — Vol. 51, N 4. — P. 1011—1039.
19. Regional Aggregates, 1990—2014 [Electronic resource] // The Conference Board. Total Economy Database, 2015. — Mode of access: <<https://www.conference-board.org/data/economydatabase/index.cfm?id=30565>>. — Date of access: 12.04.2016.
20. Ross, M. L. The Political Economy of the Resource Curse / M. L. Ross // World Politics. — 1999. — Vol. 51, N 2. — P. 297—322.
21. Sachs, J. D. The Curse of Natural Resources / J. D. Sachs, A. M. Warner // European Economic Review. — 2001. — Vol. 45, N 4-6. — P. 827—838.
22. Sala-i-Martin, X. Addressing the Natural Resource Curse: An Illustration from Nigeria / X. Sala-i-Martin, A. Subramanian // Journal of African Economies. — 2013. — Vol. 22, N 4. — P. 570—615.
23. Statistical Yearbook of Norway. 2005—2013. Gross domestic product, by main activity. — Oslo: Statistics Norway.
24. Stijns, J.-P. Natural Resource Abundance and Human Capital Accumulation / J.-P. Stijns // World Development. — 2006. — Vol. 34, N 6. — P. 1060—1083.
25. The Political Resource Curse / F. Brollo [et al.] // American Economic Review. — 2013. — Vol. 103, N 5. — P. 1759—1796.
26. Value added by kind of main activity at basic values. Current prices [Electronic resource] // Statistics Norway, 2014. — Mode of access: <<http://www.ssb.no/en/nasjonalregnskap-og-konjunkturer/statistikker/nr/aar/2015-05-20?fane=tabell&sort=nummer&tabell=228320>>. — Date of access: 05.03.2016.
27. Van der Marel, E. L. Beyond Dutch disease / E. L. van der Marel, I. Dreyer // Economics of Transition. — 2014. — Vol. 22, N 2. — P. 341—364.
28. Van der Ploeg, F. Natural resources: curse or blessing? / F. van der Ploeg // Journal of Economic Literature. — 2011. — Vol. 49, N 2. — P. 366—420.

Статья поступила в редакцию в мае 2016 г.